

Три рассказа

Вагон

События выдуманы. Совпадения случайны.

Коля пил. Сильно, но не периодически.

Колю многие угощали. И знали практически все.

И Коля знал многих.

А еще Коля очень хорошо знал город, в котором жил, но знал его своеобразно.

Кто-то знает историю города, кто-то — где какая улица или памятник. Но все это для Коли было пустым, как стакан: вроде и видно все, а внутри ничего нет. Но стоило кому-то спросить дорогу и сказать, какая наливайка или пивная рядом с искомым местом, Коля сразу преображался. Не нужно даже названия — просто описание интерьера, и Коля моментально рассказывал, как туда добраться. Причем сообщал сразу несколько вариантов для разного времени суток.

А еще Коля работал докером в одесском порту. А это вообще отдельная песня. Ее поют все кому не лень. А кому лень — про нее молчат. А когда о какой-то песне молчишь, она, по крайней мере, не становится хуже.

Докер это вам не Рабинович, который напел по телефону Beatles.

Поэтому наша история начинается с молчания: не говоря ни слова, Коля пил в парке Шевченко с друзьями "Столичную" и смотрел вниз, на порт. Карантинная гавань жила своей особой, только портовским понятной жизнью. А когда порт включил огни, жизнь эта сделалась еще более близкой и понятной, потому что все стало красивее.

А как не пить, когда вокруг такое?

В общем, пустота незаметно проникла внутрь бутылок. А рассвет пересек городскую черту и со скоростью света полетел над домами, постепенно снимая с себя черный плащ, который он обычно надевает на ночь.

И когда совсем рассвело, Коля обнаружил себя на скамейке под еще горящим фонарем. Там, где светлее, найти что-то проще.

До смены оставалось всего ничего, и нужно было торопиться. И Коля пошел. Шел он долго. Как попал на комплекс, совсем не запомнил. Запомнил только улыбающуюся тетю Таню на проходной. Дай Бог ей здоровья и мужчину хорошего. А потом запечатлелось, как залезил в крытый погрузный вагон — поспать часок и сразу на пароход — грузить.

А дальше — все поехало. Точнее, у Коли поехало все, а на комплексе только тепловоз и пара вагонов.

Коля спал, не зная, что спит. А если не знаешь, что делаешь, не можешь представить — куда попадешь. Но практически все уже знают, где ты никогда не окажешься.

Как бы ни была прекрасна аллея парка над морем, есть много людей, которым она не понравится. Но аллее нет смысла всем нравиться, хотя бы потому что не все на нее попадут. Даже можно сказать: аллее нет смысла нравиться никому, потому что она вроде и неживая.

Стучали колеса, а Коле снилась эта неживая аллея, и виделось ему в ней что-то тошнотворное. Коля шел по ней шатаясь, потому что сон был сном пьяного и снился в поезде. А в поезде все сны неустойчивые — одно сильное покачивание вагона и ты проснулся.

И Коля проснулся. В шестидесяти километрах от порта.

Сначала Коля не понял, где он, и подумал, что его просто закрыли в трюме.

Тихие темные закрытые помещения похожи одно на другое. Но стоит что-то сказать, и они становятся совершенно разными, потому что слово многое меняет.

И Коля сказал:

— Бля... — и сразу понял, что он черт знает где.

Когда Коля сказал "бля" еще раз, он понял, что нужно быстро сообразить, где он находится или хотя бы — куда ему нужно попасть.

Жизнь преподносит сюрпризы. Чем меньше знаешь, где ты есть, тем отчетливей понимаешь, почему ты здесь оказался.

Понимание причин особенно обострено, когда ты ползешь в направлении предполагаемого выхода в состоянии жуткого похмелья.

Понимание жизни часто приходит вместе с головной болью и еще чаще уходит вместе с ней.

Когда Коля выбрался из вагона, то понял, что жизнь дала трещину. Оглядевшись, Коля подумал, что перед словом "трещина" можно добавить "за". Но от слова "добавить" голова разболелась еще больше. Все остальное разболелось от мысли, что нужно куда-то идти.

От какой мысли хотелось блевать, Коля не знал. Но попробовав перестать думать, понял, что блевать хочется само по себе. Это успокоило. Когда что-то начинало происходить само по себе, Коля всегда оказывался там, где ему положено. И действительно, через тридцать секунд возле Коли стоял тепловоз, машинист которого интересовался:

— Что за педальный конь Коля? И какого х... он... твою мать, стоит пьяный наных рельсах?

На что Коля ответил, что он докер из одесского порта, чтоб он стоял еще триста лет и зарплату давали.

— Из порта? Не х.я себе! — удивился машинист.

— Х.я, х.я! — заверил Коля.

— Залезай в тепловоз — я как раз в порт.

И Коля полез. Коля не знал, кто такие альпинисты, но знал, что есть большие люди, которые лазят по горам от нечего делать. А на горах ничего нет — кроме таких же больших.

Но в тот день Коля поменял свое мнение. Все-таки вершина — это нечто! Там тишина и покой. И поезд едет в одесский порт. И машинист налил пятьдесят. И все на самом деле не так плохо, как ты себя чувствуешь.

Ехали часа полтора. Когда проезжали ворота, Коля спрятался. А через десять минут Колю уже материл бригадир. Материл бригадир долго, и чем дольше бригадир материл Колю, тем на сердце становилось теплее: чем больше ругают, тем меньше шансов, что уолят.

А значит, Коля еще будет ходить через родную проходную, которая, как говорится, выводит в люди, мимо порталных кранов, которые грузят суда. Будет еще много всего, о чем стоит забыть и о чем следует помнить.

Будет что-то такое, о чем будут знать все, но будут молчать, потому что лишний шум мешает порту работать.

Платье

Мне кажется, что я что-то упустил или упускаю. Но я знаю, с чего нужно начать... Начать нужно с ночной дороги, по которой я еду один. Большая скорость. Пролетают деревья. Фары выхватывают из темноты похожие друг на друга кроны, словно кому-то снится один и тот же сон. А если думаешь о сне за рулем, и думать тебе об этом приятно, то можно оказаться не там, где планировал. Сон становится похож на музыку, которой не слышно, но о которой слышал. Духовой оркестр может ждать тебя за поворотом или ехать во встречной машине, или просто спать под большим деревом и проснуться в тот момент, когда ты заснешь. Поэтому ни в коем случае нельзя разрешать тишине шептать тебе монотонно какие-то цифры на ухо... Чем выше скорость, тем больше тишина, чужая тебе...

Чем выше скорость, тем тишина больше похожа на сон...

И как во сне я повернул и увидел посреди дороги девушку, лежащую в белом свадебном платье.

— Ё.

Когда-то мне нравилась соседка, и я хотел даже жениться. Я подошел к этому совсем близко — уже марш Мендельсона играл в подсознании. А соседка играла в игру "ты без меня не сможешь". И в последний момент я остановился — просто сказал себе "стоп".

А сейчас я кричал "стоп" машине. Со мной кричали шины, цепляющиеся за дорогу, как за край пропасти. Визжали колодки. Все это вместе составляло целый оркестр. И словно Шопен стоял на обочине и дирижировал им.

Мужчине бывает очень сложно остановиться, когда в непосредственной близости от него лежит девушка, но мне удалось.

Когда ты летишь по трассе, за тобой всегда следует страх, но не может догнать. Но как только ты резко тормозишь перед препятствием, он настигает тебя. Накрывает своей волной. И чем быстрее ты ехал, тем сильнее волна. Моя волна была достаточно сильной. Она обдала меня с ног до головы, и я за секунду стал весь мокрый. Словно нырнул с головой в холодную воду и не понимаю где поверхность, где — дно.

— Откуда такое?

Я совсем маленький и бросаю камешки в море. Я оборачиваюсь, а вокруг — никого. Нет родителей. Я совсем один. Совсем. Мне страшно. Мне часто снился такой сон...

А сейчас нужно выйти из машины и подойти к девушке. Знаете, как иногда страшно подходить к девушке? Она белая и прекрасная, но... Если бы она не была такая прекрасная, то все было бы гораздо проще. В таких случаях нужно просто внимательно посмотреть на девушку и зацепиться за какую-то деталь: помятую складку, морщинки у глаз. Земные детали приближают образ, идеальность — удаляет его.

И я смотрел внимательно. Очень внимательно. Пока не заметил, что на дороге лежит огромный букет цветов... Просто цветы!..

— Словно кто-то простился с трассой...

Родилось что-то гнетущее. Будто забыл фамильные часы в доме, в который решил больше не возвращаться. И нет ни сил, ни времени взять себя в руки...

— Когда часы остановятся, буду ли я помнить, где я их позабыл? Смерть убивает время.

Ночью, когда дует ветер, — тишина прячется за большими деревьями и выходит из-за них, когда ветер стихает.

Я сидел на дороге, прямо напротив букета. Долго думал, не помню о чем. И очень долго не мог уехать.

Крокодилы

Марьян работал в реанимации. У него были только ночные дежурства, потому что днем он учился в медицинском институте (точнее, туда ходил) и в реанимацию попасть не мог (точнее мог, но уже не по работе).

В реанимации Марьян был на хорошем счету — на дежурстве он обычно спал и пил очень редко. Когда привозили больных, просыпался и выходил посмотреть, что там такого интересенького. Матом ругался только во сне. В общем, по нынешним временам очень ценный работник.

И когда привезли алкоголика в белой горячке, и он вылез в окно, чтобы выбрасываться, все ждали Марьяна для решения вопроса.

Образ гораздо сильнее тогда, когда тебе никто ничего о нем не рассказывает. Поэтому реанимация извне производит на людей впечатление чего-то значительного и важного. Но на самом деле важность этого места за-

ключается только в том, что здесь быстрее всего понимаешь, что ничего важного и значительного не существует. Стоит только посмотреть на грязную кушетку и перекошенное лицо ординатора, как смысл жизни сразу становится похож на коридор, где лежит куча окурков, брошенных растерянными родственниками.

И когда Марьян шел на работу, он бросил свой окурочек туда же, куда и все.

Образ алкоголика в окне затронул что-то потаенное, поэтому Марьяну пришлось достать из дырявого пакета бутылку водки и поставить ее на стол.

— Ну что, мужик, спускайся! — Марьян налил водку в два стопарика. — Накатить надо.

— Ёперный театр! Я же сейчас прыгать буду! Куда ж я того? Это! Да!

— На дорогу, русский обычай! — Марьян поднес стопку к носу, и ему показалось, что водка пахнет еле тлеющей сигаретой.

— Да ну тебя на хрен! У тебя вокруг крокодилы под ногами!!! Они меня сожрут! Чтоб они сдохли!

— Мужик, ты что, в первый раз, что ли? Это же реанимационные крокодилы — они не кусаются.

— Как не кусаются?! — алкоголик покосился на бутылку.

— Ну, я же здесь сижу — и ничего.

— Так они тебя знают!

— Откуда они меня знают — я только пришел, а ты давно тут в окне торчишь!

Алкоголик задумался. Марьян выпил стопку и попытался представить себе, что все хорошо. Когда это не получилось, алкоголик спустился и тоже накатил. Пили полночи. Приходили медсестры и анестезиолог. За водкой ездили три раза. За закуской — один.

Утром, когда Марьян проснулся, в голове стоял шум сливаемой воды. Это настораживало, но, оглядевшись, Марьян понял, что все в порядке — просто спал в туалете. Выйдя в коридор, Марьян увидел встревоженных людей — кого-то привезли. Алкоголика нигде не было. Немного расстроившись, Марьян зашел в реанимационную, забрал свой кулек и пошел в институт, думая, случится ли хоть на каком-то дежурстве что-нибудь интересное.

